

Парафразы его строк оживают в газетных заголовках, в обыденной речи, не как ремейк отошедших в историю застойных лет, а как отзвук событий и явлений сегодняшнего дня. В этом смысле Высоцкий для нас не менее эпоха, чем для шестидесятников и семидесятников. Отсюда и споры: за кого бы сегодня воевал Владимир Семенович? В том, что «воевал» бы, никто и не сомневается, но это была бы скорее не война, а спор. Не с левыми и правыми, а с вечными вопросами человеческого бытия. Гамлетовский спор с вечностью. Высоцкий по-прежнему для большинства – герой нашего времени, но для кого-то – и антигерой. Слишком живучи легенды и мифы, окружающие его имя.

Четверть века (подумать только!) минуло со дня ухода поэта. Биографические подробности известны до мельчайших деталей – и, казалось бы, к чему скрепчивать копыта? Но до сих пор терзают вопросы: кем был? Каким был? Об этом, собственно, мы и беседуем с сыном поэта – актером, директором Государственного культурного центра-музея В.С. Высоцкого («Дом Высоцкого» на Таганке) Никитой Владимировичем Высоцким.

– О Высоцком вы, наверное, знаете все – как сын и как хранитель его наследия. И все-таки убежден: понадеялся и то, что заставляло по-новому взглянуть на отца...

– ...Я все время думаю о его судьбе, песнях, перечитываю что-то, хотя очень многое знаю наизусть. Что поражает больше всего – его умение работать. Сейчас много актеров, которые снимаются сразу в четырех картинах, а при этом занимаются бизнесом и успевают что-то на личном фронте. Но если сравнить его с самыми востребованными сегодня профессионально работающими людьми, он невероятно много успевал. Смотришь, сколько за определенный период написано, сыграно в театре, кино, сколько дано концертов, и это при бытовой неустойчивости, – возникает ощущение, что человек не разгибаясь пахал. Какие там выходные, отпуска! Мы делали выставку к годовщине постановки «Гамлета» в Театре на Таганке и стали объединять документы из разных наших фондов, рассказывающих о том, чем еще занимался Высоцкий, готовя этот спектакль. И волосы начинают шевелиться на голове. Он был невероятно работоспособным человеком!

– А ведь некоторые мемуаристы, биографы не устают смаковать: пил, гулял, ездил за границу... Возникает впечатление праздного человека, которому все давалось легко.

– Да, такой себе счастливчик, везунец... Готовясь недавно к выступлению на одном вечере, вновь перечел стихотворение «Гамлет», чтобы подучить его – и вдруг увидел, что не понимал смысла этого стихотворения. Это и о себе, и о жизни, и о Шекспире, и о спектакле Любимова, и оно так драматургично выстроено. Я это как актер вижу... Вот прочтите...

– «...Не нравится мне век и люди в нем не нравятся, и я зарылся в книги...»

– Написано – то достаточно молодым человеком! Вечные вопросы... Все-таки его поэтическое наследие более весомо, и он сам говорил, что работа над песнями, над текстами – самое главное в его жизни. И когда спорят: кем он был – бардом ли, актером, – правильнее сказать: поэтом. Он много читал, по временам проглатывая книгу за книгой. К чему-то потом возвращался. У него была феноменальная память, и многие отмечали, что все прочитанное, услышанное, увиденное складывалось куда-то, на каких-то полках его сознания! Когда ему требовалось что-то написать, сказать, он туда лез и безошибочно доставал искомого.

Конечно, он самородок. Но он работал над собой, был образованным, начитанным человеком. К концу жизни начал собирать библиотеку. И однажды я на его столе увидел словарь Даля. Я недоумевал. А он ведь не просто обращался к нему время от времени. Читал! У него были Манделштам, Платонов, французская поэзия. То, что не издавалось у нас и привозилось из-за границы. В этих книгах нет склеившихся страниц... Да, и «зарылся в книги», «век не нравился и люди в нем». И кто это сказал? Гамлет, принц Датский – или актер, который пытался влезть в его шкуру, или сам Владимир Семенович? Один из театральных критиков на обсуждении спектакля «Гамлет», когда его хотели закрыть, заметил, что стоит его оставить хотя бы за одно достоинство, которое перевешивает все недостатки. Его спросили: «Что за достоинство?» – «В этом спектакле есть Гамлет. Дело не в том, что Высоцкий Гамлета играет хорошо. Дело в том, что он и есть Гамлет».

Не зря, наверное, культурологи на приснопамятных шестидесятых-семидесятых отписали «время Высоцкого», «эпоха Высоцкого». Высоцкий для современников – прежде всего голос, рвущийся с растрижированных на всю страну магнитофонных записей. И хотя где-то рядом – в литературе, театре, кино – было немало людей, творивших никак не на потребу дня – Шукшин, Белов, Абрамов, Тарковский, – то время действительно говорит с нами голосом Высоцкого. Возможно, виной тому слава – прижизненная и посмертная, оказавшаяся громче. При жизни поэта не вышло ни одного поэтического сборника. По смерти печатный станок выдал «Нерв», затем пошли однотомники, вплоть до недавнего восьмитомного собрания сочинений. И вот мы читаем... Высоцкого.

Никита ВЫСОЦКИЙ: ОН ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЕГО ПОМНИЛИ. ЖИВОГО...

И безусловно, имел место и конфликт с эпохой, как вы говорите, с «временем Высоцкого». Он его чувствовал, оно через него проходило. Оно его и радовало, и... унижало. Время для Высоцкого – абсолютно живой персонаж. У него даже есть шуточная песня о времени: «Приподнимем занавес за краешек...»

– Он, безусловно, понимал, что за этим «занавесом» – какие там таятся чудеса и химеры эпохи... Наверное, поэтому и вразгов у него оказалась предостаточно...

– Я не хочу называть их имена, чтобы в них не тыкали пальцем. Поверьте, многие люди с весьма уважаемыми сегодня фамилиями совершенно искренно отзывались о творчестве поэта: «Это умрет через год-два». И абсолютно искренно не утверждали отца на какие-то роли, да еще и система тогдашняя ставила рогаки. Равнодушных к Высоцкому было мало. Его либо принимали абсолютно, либо отвергали.

Очень многие высокопоставленные партдеятели любили творчество Высоцкого. Ходит байка, что ему благоволил Андропов. А вот человек, который много сделал для сегодняшней российской демократии, травил поэта. И если назвать его фамилию – все ахнут: «Как это!» Он еще в конце 1960-х спровоцировал небезызвестную статью: «О чем поет Высоцкий?» Отца тогда вызывали в ЦК, на ковер... И объясняли, как надо и как нельзя петь.

– Вы, обмолвились, что Андропов «благоволил...» Но истории же больше доверяют документу, факту, шершавому языку канцеляриста, на котором говорила эпоха, вернее, те, кто ее олицетворял на вершинах власти. В вашем же музейном архиве хранится рассекреченное письмо

ФОТО: ЭДУАРДА ГАЛЮЖКА

за подписью Андропова. Документ потрясающий, который стоит привести полностью:

«О возможных антиобщественных проявлениях в связи с годовщиной смерти актера Высоцкого. 15.07.81 г. ЦК КПСС. Секретно. Подлежит возврату в Общий отдел ЦК КПСС.

По полученным из оперативных источников данным, главный режиссер Московского театра драмы и комедии на Таганке Юрий Любимов при подготовке нового спектакля об умершем в 1980 году актере этого театра Владимире Высоцком пытается с тенденциозных позиций показать творческий путь Высоцкого, его взаимоотношения с органами культуры, представить актера как большого художника, борца, якобы незаслуженно забытого властями. Премьера спектакля планируется 25 июля сего года в день годовщины смерти Высоцкого.

В этот же день неофициально возникший «Комитет по творческому наследию Высоцкого» при Театре на Таганке (Ю. Любимов, администратор В. Янкович, художник Д. Боровский и актер МХАТа С. Абдулов и другие) намеревается провести мероприятия, посвященные памяти актера в месте его захоронения на Ваганьковском кладбище в городе Москве и в помещении театра по окончании спектакля, которые могут вызвать нездоровый ажиотаж со стороны почитателей Высоцкого из околотеатральной среды и создать условия для возможных выступлений антиобщественного характера.

Сообщается в порядке информации. Председатель Комитета государственной безопасности Ю.В. Андропов».

– Это же чудовище!
– Что – чудовище?

– Как это? Друзья решили в годовщину смерти поэта помануть его в театре и на кладбище. Власти запретили публичные поминки. Даже холод свежей могилы и тот им страшен. Воистину помнят евangelские: «Не оживет, аще не умрет». А вы – «благоволили»...

– Я и говорю, что благоволение Андропова – не более чем байка. Хотя чисто по-человечески допускаю, что творчество Высоцкого могло кому-то наверху нравиться, кому-то – нет. Здесь Андропов выполняет лишь свой профессиональный долг – так, как он его понимает. Без личных «нравится – не нравится». Высоцкий – поэт с яркой гражданской позицией, которая будит умы. Вот это-то и страшит власти: как бы чего не вышло. Всегда так было на Руси, со времен Пушкина.

– И поэтому предпочитали ставить им памятники из тяжелой бронзы? В одной Москве четыре монумента Высоцкому. И трудно судить, одобрил бы их Владимир Семенович...

– Один из друзей Высоцкого спросил его однажды: «Володь, ты понимаешь, что огромная страна, 300 миллионов не просто знают тебя, но ты в них как бы вырастаешь, в сознание, что ли?» Он ответил: «Я не могу с этим свыкнуться». Но отнесился к этому серьезно, у него есть стихотворение «Памятник», где он напроочил себе «ладно сбитый, литой монумент». Он понимал, что рано или поздно будет в бронзе. Но главное – не в памятнике или памятниках, а в том, что он сделал. Он говорил: не утопите во всем этом меня живого, кем я был. Он хотел, чтобы его помнили... И одно дело, когда принимается решение где-то наверху. С Высоцким этого не могло произойти. Его популярность не навязана сверху. Совсем недавно открыли памятник Высоцкому в

Новосибирске. У памятника есть автор – Анатолий Олейник, который отлил его за свои деньги. Олейник не олигарх, он просто любит Высоцкого, полгорода поднял на уши: кто-то помогал, кто-то мешал. Но это народный памятник. А 22 июля 2005 года открылся музей Высоцкого в Краснодаре. Частный музей. Создал его строитель, хороший парень Александр Зубов. Это здание в хорошем месте, с экспозицией, куда станут приходить школьники... Он мог пропить эти деньги, купить машину, яхту, а он открыл музей... Ведь и в школьную программу три военные песни Высоцкого попали благодаря инициативе учителей, которые читали их на своих уроках...

– Сейчас объявилось множество «воспоминателей», пишущих скорее не о Высоцком, а о себе, о том, что они сделали для поэта. Столько друзей обнаружили! Хотя при жизни поэта собратья по творческому цеху жутко завидовали Высоцкому, его неповторимости, индивидуальности. Какая уж тут дружба?

– И зависть была... В одном из интервью кто-то припомнил, что Золотухин хотел забрать у Высоцкого роль Гамлета, – после этого посыпались угрозы в адрес актера. Золотухину писали жуткие письма. И таких историй много. Не хочу их комментировать – мало ли кому что взбрет в голову. Слишком жива наша память и обострены нервы, чтобы судить себя и эпоху!

– Лингвисты сделали недавно открытие: Высоцкий – самый цитируемый сегодня поэт. Об этом можно судить по обилию крылатых выражений, вошедших в наше сознание, язык, культуру, выпеснувшихся парафразами его строк на газетных страницах. И вы, наверное, занимаетесь изучением творчества Высоцкого еще и с литературоведческой точки зрения?

– На эту тему есть специальные работы, посвященные языку Высоцкого, его литературному словарю. Когда отец умер, то в Америке брали интервью у Иосифа Бродского, и он не говорил, что Высоцкий – великий, прекрасный, хороший. Он задумался на минуту и сказал, что русский язык понес страшную утрату в связи со смертью Высоцкого. В нашей экспозиции есть стилизованная театральная тумба, оклеенная газетами с заголовками «из Высоцкого». Уже без кавычек: жираф большой – ему видней; выбирайтесь своей колеей... В театре на Таганке, который существовал и до появления там Любимова, шел спектакль «Микрорайон» – и в нем звучала песня: «И тот, кто раньше с нею был». Но было написано: «Слова и музыка народные». Владимир же Семенович, придя в театр в 1964 году и услышав песню, говорил всем: «Это мое, это я написал». Но получал в ответ: «Ну да ладно, ну иди ты, эту песню еще мой дедушка пел». А это действительно его песня, Высоцкого. Удивительно!..

Но музей – все-таки не научно-исследовательский институт, хотя мы можем поддерживать какие-то изыскания, в том числе и литературоведческие, и делаем это. А основная-то наша задача – собрать и сохранить все, что связано с Высоцким: вещи, документы, книги, аудио-, видео-записи, фотографии... А это непросто...

– То есть?

– Штат изначально был небольшим, держались на энтузиазме. Затем уже появились профессиональные музейщики, хранители, историки, литературоведы. Моя же роль организаторская. Где-то что-то выбивать, договариваться... Деньги, сметы, строители. Словом, хлопоты.

– Но, согласитесь, приятные...

– И ко многому обязывающие. Но главное, к чему я призываю посетителей музея, – читайте Высоцкого. О других судить не берусь, но о себе скажу: творчество отца очень повлияло на меня и во многом изменило... Поэзия Высоцкого отличается невероятной доходчивостью, простотой. Но это высокохудожественная простота. И поэтому огромное количество людей его восприняло. А когда отец умер, миллионы людей испытали горе, для многих он стал близким человеком...

– Владимир Семенович не дожид до перемен, которые пророчил и которые радикально изменили нашу жизнь. Многие сегодня спорят: принял бы он их?

– Не представляю. И правы те люди, которые говорят: «Жалко, что его нет. Он бы разобрался...» Он бы не дал себя обвести, обмануть, как многие из нас. Поверьте, обладая этим временем, каким-то посулом, надеждам. Он был трезво мыслящим человеком, чувствовавшим свою страну. Такие люди рождаются вовремя и, к сожалению, уходят тоже вовремя. Я не представляю, с кем бы он мог быть сегодня...

Александр АСТАФЬЕВ